

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.*

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?*

*Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!*

*Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;*

*Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.*

Лермонтов и Пушкин — образы «предустановленные», загадка русской жизни и литературы... «собственные имена» русской истории и народа русского.

*Александр Блок.
Из эссе «Педант о поэте»*

М.Ю. Лермонтов в годы студенчества.
Худ. П. Е. Заболотский. 1840 г.

Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

Из глубины монастырской кельи красота Тамары бросает вызов Демону... Все... конфликты рождаются у Лермонтова около красоты. У него она — одно из осложнений жизни, одна из помех для свободной души... Когда я читаю в песне о Стеньке Разине, как чувствовал он когда-то Волгу персидской царевной, я невольно думаю именно о Лермонтове.

*Иннокентий Анненский.
Из эссе «Символ красоты
у русских писателей»*

Люблю, люблю одну!

В. А. Лопухина в виде испанской монахини.
Акварель М. Ю. Лермонтова

В прозаическом отрывке «Я хочу рассказать вам...» Лермонтов высказал одну из заветнейших своих мыслей: «Во всяком сердце, во всякой жизни пробежало чувство, промелькнуло событие, которых никто никому не откроет, но они-то самые важные и есть, они-то обыкновенно и дают тайное направление чувствам и поступкам». В жизни самого Лермонтова таким чувством, давшим тайное направление многим его поступкам, а главное — стихам, была его любовь к Варваре Александровне Лопухиной. В первой главе нашей книги представлены произведения либо прямо к ней, «подруге юных дней», обращенные, либо в той или иной степени отражающие историю их отношений. На том же основании в этом же разделе поэма «Демон» печатается в варианте 1838 года, который был подарен Варваре Александровне с особым Посвящением.

А. Марченко

Будучи студентом, он был страстно влюблен... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную Варвару Александровну Лопухину... Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно. И едва ли не сохранил он его до самой смерти своей, несмотря на некоторые последующие увлечения.

*Аким Шан-Гирей¹.
4 декабря 1831 года.
День именин Варвары Лопухиной.
Москва. Малая Молчановка*

Вечером, возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! Кто бы подумал, взглянув на нее, что она может быть причиною страданья!

*М. Ю. Лермонтов.
Из дневниковых заметок.*

---

¹ Аким Шан-Гирей — троюродный брат поэта. Товарищ его детства и юности.

* * *

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

1832

К*

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилася с душою;
Хоть пути не кончить им вдвоем!

Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой,
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж нами,
Я рожден, чтобы не жить без них.

Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч-путеводитель,
Что хвала иль гордый смех людей!

Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.

1832

Мы играли в шахматы, человек подал письмо; Мишель начал его читать, но вдруг побледнел; я испугался и хотел спросить, что такое, но он, подавая мне письмо, сказал: «вот новость — прочти», и вышел из комнаты. Это было известие о предстоящем замужестве В. А. Лопухиной.

*Аким Шан-Гирей.
1835 год. Весна. Петербург*

К Л. —

(Подражание Байрону)

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так, память, демон-властелин,
Все будит старину.
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!

Принадлежишь другому ты,
Забыв певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
В неизвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!

И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Все сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!

1831

В. А. Лопухина в атласном капоте и блондовом чепце,
как она описана в «Княжне Лиговской».
Акварель М. Ю. Лермонтова. 1836 г.

...С самого начала нашего знакомства я не чувствовал к ней ничего особенного, кроме дружбы... говорить с ней, сделать ей удовольствие было мне приятно — и только. Ее характер мне нравился: в нем видел я какую-то пылкость, твердость и благородство, редко заметные в наших женщинах. Одним словом, что-то первобытное, допотопное, что-то увлекающее — частые встречи, частые прогулки, невольно яркий взгляд, случайное пожатие руки — много ли надо, чтоб разбудить таящуюся искру?.. Во мне она вспыхнула; я был увлечен этой девушкой, я был околдован ею; вокруг нее был какой-то волшебный очерк; вступив за его границу, я уже не принадлежал себе; она вырвала у меня признание, она разогрела во мне любовь, я предался ей как судьбе, она не требовала ни обещаний, ни клятв... но сама клялась любить меня вечно — мы расстались — она была без чувств, все приписывали то припадку болезни — я один знал причину — я уехал с твердым намерением возвратиться скоро. Она была моя — я был в ней уверен, как в самом себе. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года, я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоценное чувство следовало за мною. Случалось мне возле других женщин забыться на мгновение. Но после первой вспышки я тотчас замечал разницу, убийственную для них — ни одна меня не привязала — и вот, наконец, я вернулся на родину... я ее нашел замужем. Я проглотил свое бешенство из гордости... но один Бог видел, что происходило здесь.

*М. Ю. Лермонтов. Из драмы «Два брата».
Январь 1836 года. Тарханы*

* * *

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — все храм,
Кумир поверженный — все Бог!

АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

1831

РУСАЛКА

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада;
Там хрустальные есть города;

И там на подушке из ярких песков
Под тенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны.

Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
Целовали красавца не раз.

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит — и, склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!..»

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.

1832–1836

ТРОСТНИК

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
В другой конец подул.

И, будто оживленный,
Тростник заговорил —
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!

И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горячих
Невинно я лила;
И раннюю могилу
Безбожно я звала.

И был сынок любимец
    У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
    Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
    Мы на берег крутой
Смотреть на сини волны,
    На запад золотой.

Моей любви просил он, —
    Любить я не могла,
И деньги мне дарил он, —
    Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
    Ударив в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он
    На берегу крутом;

И над моей могилой
    Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
    Души моей младой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
    Оставь же свой тростник.
Ты мне помочь не в силах,
    А плакать не привык».

1832

* * *

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечаю,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

1839

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

1839

Зарисовки В. А. Лопухиной в юнкерской тетради М. Ю. Лермонтова (1832—1834)

Посылаю Вам стихотворение, которое случайно нашел в моих дорожных бумагах, оно мне довольно-таки нравится... Молитва странника: «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою».

*М. Ю. Лермонтов. Из письма М. А. Лопухиной¹
15 февраля 1838 года. Петербург*

---

¹ Мария Александровна Лопухина. Старшая сестра Варвары.

МОЛИТВА СТРАННИКА

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

1837

Приехала в Петербург В.А. с мужем, проездом за границу. Лермонтов был в Царском, я послал к нему нарочного, а сам поскакал к ней. Боже мой, как болезненно сжалось мое сердце при ее виде! Бледная, худая, и тени не было прежней Вареньки; только глаза сохранили свой блеск и были такие же ласковые, как и прежде. — «Ну, как вы здесь живете? — Почему же это вы? — Потому что я спрашиваю про двоих. — Живем, как Бог послал, а думаем и чувствуем, как в старину. Впрочем, другой ответ будет из Царского через два часа». Это была наша последняя встреча; ни ему, ни мне не суждено было ее больше видеть. Она пережила его, томилась долго и скончалась, говорят, покойно лет десять тому назад.

Аким Шан-Гирей

Варенька и Николай Федорович были у нас в Петербурге. Поехала купаться в Апсель близ Ревеля. Очень худа, слаба. Ребенок, что родила, умер на третий день, а Олинька здорова.

*13 июля 1838 года. Петербург.
Е. А. Верещагина — дочери
А. М. Верещагиной-Хюгель*

Рисунок М. Ю. Лермонтова

Этот рисунок в лермонтовской литературе называют то «Русской свадьбой», то «Чтением Евангелия». В облике новобрачной угадываются черты сходства с В. А. Лопухиной.

РЕБЕНКУ¹

О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! — Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? — Увы! года летят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебе непрошенные ласки?
Не слишком часто ль я твои целую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обожгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мне... К чему? Ее, быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...

---

¹ Первый биограф Лермонтова П. Висковатов, заставший в живых многих современников поэта, утверждает, что стихотворение адресовано ребенку Варвары Александровны Лопухиной-Бахметевой, двухлетней Ольге, отсюда и обращение в мужском роде: «...ты на нее похож», как и предписывали грамматические правила той поры.

Но мне ты все поверь. Когда в вечерний час,
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала
И в знаменье креста персты твои сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Бледнея, может быть, она произносила
Название, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? — звук пустой!
Дай Бог, чтоб для тебя оно осталось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его — ребяческие дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

1838

СОН

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но, в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

1841

Мы с ним так дружны были — он мне правнучатый брат — и всегда называл: *cousine*, а я его *cousin* и любила как родного брата. Так меня здесь и знали под именем *charmante cousine* Лермонтова... Он мне всегда говорил, что ему жизнь ужасно надоела, судьба его так гнала... А тут еще любовь: он был страстно влюблен в В. А. Бахметеву... я думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был.

*Екатерина Быховец. Из письма.
Август 1841 года. Пятигорск*

* * *

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье;
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

1841

Последние известия о моей сестре Бахметевой поистине печальны. Она вновь больна. Ее нервы так расстроены, что она вынуждена была провести около двух недель в постели, настолько была слаба. Муж предлагал ей ехать в Москву — отказалась. За границу — отказалась и заявила, что решительно не хочет больше лечиться. Быть может, я ошибаюсь, но я отношу эти расстройства к смерти Мишеля, поскольку эти обстоятельства так близко сходятся, что это не может не возбудить известных подозрений...

*Сентябрь 1841 года. М. А. Лопухина.
Из письма А. М. Верещагиной-Хюгель*

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки, —
Разлуки нет!
Я видел прелесть бестелесных
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал.

Что мне сиянье Божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой!
Ласкаю я мечту родную
Везде одну,
Желаю, плачу и ревную,
Как в старину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит,
Душа моя в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь, засыпая,
Ты о другом,
Твои слова текут, пылая,
По мне огнем.

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна!
Ты с мертвецом святыней слова
Обручена!
Увы! твой страх, твои моленья,
К чему оне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне.

ОПРАВДАНИЕ

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
На место славного названья,
Твой друг оставит меж людей

И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь,

Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, —

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

1841

Автопортрет в бурке был сделан Лермонтовым для Варвары Александровны Лопухиной и отослан вместе с поэмой «Демон» осенью 1838 года.

Публикуемый в нашем сборнике вариант поэмы «Демон» (так называемая шестая, лопухинская редакция) окончен 8 сентября 1838 года и тогда же отослан Варваре Александровне Лопухиной-Бахметевой. Копию Михаил Юрьевич заказал переписчику, но титульный лист сделал сам. Кроме того, поэт велел переписчику пропустить несколько строк после четверостишия: «Средь полей необозримых / В небе ходят без следа / Облаков неуловимых / Волокнистые стада...» и эти пропущенные строки вписал в перебеленный каллиграфически текст сам, собственноручно, — знакомым *подруге юных дней* почерком:

Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В час томительный несчастья
Ты о них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна как они.

Тем же почерком написано и обращенное к Варваре Александровне «Посвящение» (публикуется в конце поэмы), понятное лишь им двоим воспоминание о днях их первой юности, о зимнем предрождественском вечере, когда Мишель впервые прочитал милой соседке ранний вариант поэмы о Демоне, а потом и рисовал ее в костюме испанской монахини.

А. М.¹

---

¹ Здесь и далее инициалы А. М. означают Алла Марченко (составитель).

Надо удивляться детским произведениям Лермонтова — его драме, «Боярину Орше» и т.п. (не говорю уже о «Демоне»): это не «Руслан и Людмила», тут нет ни легкокрылого похмелья, ни сладкого безделья, ни лени золотой, ни вина и шалостей амура, — нет, это — сатанинская улыбка на жизнь, искривляющая младенческие еще уста, это «с небом гордая вражда», это — презрение рока и предчувствие его неизбежности. Все это детски, но страшно сильно и *взмашисто*. Львиная натура! Страшный и могучий дух! Знаешь ли, с чего мне вздумалось разглагольствовать. Я только вчера кончил переписывать его «Демона», с двух списков, с большими разнищами, — и еще более вник в это детское, незрелое и колоссальное создание. Трудно найти в нем и четыре стиха сряду, которых нельзя было бы окритиковать за неточность в словах и выражениях, за натянутость в образах... но, Боже мой, — что перед ним все антологические стихотворения Майкова или самого Анакреона да еще и в подлиннике?

*В. Г. Белинский. Из письма В. П. Боткину.
1840 год. Петербург*

М. А. Врубель. Тамара и Демон

ДЕМОН¹

1838 года сентября 8 дня

ЧАСТЬ I

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим;
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним;
Когда сквозь вечные туманы,
Познания жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни страха, ни сомненья,
И не грозил душе его
Веков бесплодных ряд унылый;
И много, много — и всего
Припомнить не имел он силы!

С тех пор отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта.

---

¹ VI редакция поэмы, впервые полностью опубликована в «Русском вестнике» (1889, № 3).

Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему!

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял;
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял;
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел — и хищный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издавека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —

У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик и чуден был вокруг
Весь Божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье Бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели;
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчаные плющом;
Ущелья, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений;
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи;

И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил;
Трудов и слез он много стоил
Рабам, послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени;
В скале нарублены ступени,
Они от башни угловой
Ведут к реке; по ним, мелькая,
Покрыта белою чадрой¹,
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом:
Но пир большой сегодня в нем,
Звучит зурна², и льются вины —
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.

---

¹ Белое покрывало. (*Прим. М. Ю. Лермонтова.*)

² Род флейты. (*Прим. М. Ю. Лермонтова.*)

На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досуг
Проходит. Дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг.

И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной;
В ладони мерно ударяя,
Запели все, — одной рукой
Кружа его над головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла мир земной;
Ее узорною повязкой
Играет ветер; как волна,
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко;
Уста бледнеют и дрожат,
И жадной страсти полон взгляд,
Как страсть палящий и глубокий!
Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока!
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей алмазною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,

По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишен был рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела!..

В последний раз она плясала.
Увы! завтра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто грустное сомненье
Темнило светлые черты;
Но были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны чудной простоты,
Что если б враг небес и рая
В то время на нее взглянул,
То, прежних братий вспоминая,
Он отвернулся б — и вздохнул.

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг;
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук;
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!

И долго сладостной картиной
Он любовался; и мечты
О прошлом счастье цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой думой стал знаком,
В нем чувство вдруг заговорило
Родным, понятным языком.
То был ли признак возрожденья?..
Он подойти хотел — не мог!
Забывать? Забвенья не дал Бог —
Да он и не взял бы забвенья!

На брачный пир к закату дня,
Измучив доброго коня,
Спешил жених нетерпеливый;
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван;
Ремнем затянут стройный стан,
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной

Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи¹, — кругом она
Вся галуном обведена.
Цветными вышито шелками
Его седло, узда с кистями.
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти золотой;
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушми и, полный страха,
Храпя, косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный:
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман;
Прибавил шагу караван.

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почиет в Боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил,

---

¹ Верхняя грузинская одежда. (Прим. М. Ю. Лермонтова.)

И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала;
Но презрел молодой жених
Обычай прадедов своих;
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал;
Он, в мыслях, под ночью тьмою
Уста невесты целовал!
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше — выстрел! Что такое?
Привстав на звонких стременах,
Надвинув на брови папах¹,
Отважный князь не молвил слова;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк! и, как орел,
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик, и стон глухой
Промчался в тишине долины!
Недолго продолжался бой,
Бежали робкие грузины.

И стихло все. Теснясь толпой,
Верблюды с ужасом смотрели
На трупы всадников: порой
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван,
И над телами христиан

---

¹ Баранья шапка, персидская. (*Прим. М. Ю. Лермонтова.*)

Чертит круги ночная птица.
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт.
Не придут сестры с матерями,
Покрыты белыми чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги над скалою
На память водрузится крест,
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Порой усталый пешеход
Под Божьей тенью отдохнет.

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется будто к брани,
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая,
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчаливый:
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.

Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун надежный господина
Из боя вынес как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала.

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный?
Кто бледный всадник у ворот?
Недолго жениха младого,
Невеста, взор твой ожидал.
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал;
Увы! Но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого.

На беззаботную семью,
Как гром, слетела Божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:

«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет;

Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет.
Он далеко; он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой.

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада;
Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они.

Лишь только ночь своим покровом
Долины ваши осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит,
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травую,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей,
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распустится ночной,
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет,
К тебе я стану прилетать!
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

Слова умолкли. В отдаленье
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг;
Невыразимое смятенье
В ее груди: печаль, испуг,
Восторга пыл — ничто в сравненье!
Все чувства в ней кипели вдруг,
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробегал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, все еще звучал.